

Игорь А. Пильщиков

ПОНЯТИЯ «ЯЗЫК», «ИМЯ» И «СМЫСЛ»
В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА
БАРАТЫНСКОГО

Каждая художественная система характеризуется лежащей в ее основе концепцией отношений между знаком и вещью, между языком (языками) и миром (см. Смирнов 1977: 23, 99). Менталитет романтической эпохи конструирует мир как принципиально многоязычный. Полиглоттизм при этом оказывается многоязычием как собственно лингвистическим, так и культурным, и – в пределе – онтологическим. Понятие «язык», будучи одним из центральных авторефлексивных концептов европейской культуры¹, занимает ключевые позиции в идеологии Романтизма и Просвещения, культурных парадигмах, в скрещении влияний которых рождается феномен лирики Баратынского. В работах Г. Хетсо и С. Пратт отмечалась важность для Баратынского концепции «языка природы», указывались возможные источники этой концепции (см. Хетсо 1973: 467; Pratt 1984: 61–62). Следует, однако, указать, что понятие «язык» входит в самые различные идеино-тематические сферы поэтического мира Баратынского. «Семиотические», или, скорее, «символо-софические» представления поэта требуют специального рассмотрения.

Настоящая работа представляет собой анализ нескольких ключевых понятий концептуальной системы поэтического мира Баратынского. Исследователи неоднократно отмечали логичность и даже терминологичность художественного мышления поэта (Фризман 1966: 93–94; Mirsky 1968: 104; Burton 1985: 184). Тем не менее, по своему дискурсивному характеру поэзия Баратынского существенно отличается от поэтических систем с установкой на философский дискурс. Специфика художественной ментальности Баратынского не может быть описана при помощи упрощенной модели «философская идея – художественное воплощение». Л. Я. Гинзбург писала: «Наряду с поэзией мысли программной, тематической, существует и другая. Программы нет. Есть миро-понимание, выраженное интеллектуально. Заряженная им мысль [...] образует многие призмы, преломляющие мир» (Гинзбург 1974: 82; ср. Pratt 1984: 4). При анализе концептуальной системы лирики Баратынского

го мы сталкиваемся с проблематикой, выдвинутой Ю.М. Лотманом в связи с описанием тютчевской картины мира. Мы встречаемся с «постоянным наличием в наследии поэта прямо противоположных решений одних и тех же вопросов» (Лотман 1990: 110). Игнорировать эту противоречивость мы не можем; «совместенность противоречий» – характерная черта поэтического мира Баратынского (см. Гинзбург 1974: 84; Семенко 1970: 288). Но противоречивость в содержании текстов не является препятствием на пути к пониманию языка, на котором эти тексты написаны; «структура языка не предопределяет содержания высказывания, допуская в своих пределах широкую вариативность» (Лотман 1990: 110). Цель нашей работы – реконструкция некоторой «части» языка поэтического мира Баратынского, той языковой сферы, в которой реализуется «a consciousness of language within literature» (Todorov 1970: 114).

1. «Язык» и «смысл»

В 1-й редакции стихотворения «Предрассудок» строки 3–4 звучали следующим образом:

Прах остался: а потомок
Смысл его не разгадал

(Баратынский 1982: 482²; здесь и далее курсив напр – И.П.)
Затем Баратынский изменяет текст:

А руин его [храма – И.П.] потомок
Языка не разгадал. (277)

Автоперевод 1843 года подтверждает окончательность выбора поэта:

[...] *l'esprit de ses ruines parle une langue
oubliée* (198).³

С точки зрения Баратынского, современность либо «не разгадывает смысл» прошлого, либо не понимает языка, на котором прошлое говорит с настоящим. Изменения, внесенные автором в текст, носят семантический, а не стилистический характер. Смысл в концептуальной системе Баратынского не обязательно коммуницируется с помощью языка. В 1821 году поэт обращался к развалинам Рима:

К немым развалинам твоим [Рима – И.П.]
Подходит с грустью их чуждый навеститель. (15)

Немота, безъязыкость Рима ставит под вопрос даже реальность его существования (дважды повторенное: «Ты был ли, [...] Рим?»). Однако, сам факт молчания может иметь смысл для постороннего («чуждого») наблюдателя:

Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель? и т.д.

Отметим, что разговор с «немыми развалинами» означает лишь вопрошание смысла, а не обретение его. Как мы увидим далее, и обретение смысла не обязательно связывается в концептуальной системе Баратынского с использованием языка.

Значимость в контексте эпохи замены понятия «смысл» на понятие «язык» становится явной, если учесть, что «наподобную текстуальную трансформацию претерпевают пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»...

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ишу... (Пушкин 1948–1949: 250)

Я понять тебя хочу,
Темный твой язык учу... (*ibid.*: 1220)

Для дальнейшего прояснения семантики концептов «язык» и «смысл» в концептуальной системе Баратынского обратимся к рассмотрению одного из самых «семиотических» его стихотворений – «Своенравное прозванье...».

2. «Имя», «Язык», «Смысл»

Своенравное прозванье
Дал я милой в ласку ей (147)

Стихотворение обращено к жене поэта Н.Л. Баратынской, «Прозванье» – синоним «имени» (в автопереводе: «*Nom [...] donné à ma chérie*» – 195).

Чуждо явного значенья,
Для меня оно [прозванье – И.П.] символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел. (147)

«Явное значение» Баратынский переводит как *«sens palpable pour les autres»*, т.е. смысл –для–других. «Языки» – *«le langage humain»* (195), т.е. человеческий язык как таковой (русская грамматическая оппозиция «языки – язык» соответствует у Баратынского, по-видимому, французской лексической оппозиции *«langage – langue»*).

Таким образом, имя, данное поэтом любимой, не имеет языкового значения, т.е. смысла, коммуницируемого человеческим языком.

Функция акта именования в поэтическом мире Баратынского – организация, осмысление мира. Предикат «давать имя» появляется в двух стихотворениях Баратынского, обращенных к его воспитателю – итальянцу Джачинто Боргезе (характерно, что первое стихотворение написано в 1821 году, второе – в 1844: в начале и в конце жизненного и творческого пути):

Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена (13)

Именовал ты нам и принцев и прелатов [Италии – И.П.]⁴ (347)

Актом именования «дядька–итальянец» придает смысл экзистенциальному пространству – как пространству реальности («мой» сад; ср. элегию «Запустение»), так и пространству идеала (Италия). Возможность экзистенциального осмысления мира – центральная проблема лирики Баратынского. В его поэтическом мире бытие «само–для–себя» (как «не–я») вне–смысленно (но не бессмысленно). То есть вне человека есть нечто, что само по себе не нуждается в смысле/осмыслении. Если человек является частью мира, если он сопричастен природе (см. об этом далее), проблема осмысления мира для него не возникает.⁵ Но появление самосознания, мысли, таёж приводит к разрыву между человеком и миром и ставит проблему осмысления мира человеком. «Смысл» у Баратынского всегда «смысл–для», то есть смысл для человека. Но для человека, для «я» мир может не иметь смысла. Ср. в стихотворении «На что вы дни!..»:

...а оно [тело – И.П.]
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной беспылодный вечер канет,
Венец пустого дня. (288)

«Пустой день» в автопереводе – «*le jour vide de sens*» (197), то есть бессмыленный. Бессмыленность мира приводит к тому, что бытие не может быть *познано* человеком и не может быть *названо*. Бытие в поэтическом мире Баратынского трагично, дисгармонично – и вследствие этого не поддается *именованию*:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье. (130)

Если бессмыленный объект получает наименование, то приписываемое ему имя – ложное. Ср. в стихотворении «Смерть»:

О смерть! твое именованье
Нам в суеверную боязнь.
Ты в нашей мысли тьмы созданье,
Паденьем вызванная казнь. (405)

Смерть – «дочь верховного эфира», «светозарная краса» – «в нашей мысли», то есть для человека, – «созданье тьмы». Смерть в сущности есть не то, что она есть для человека. С «точки зрения» «Всемогущего» роль смерти – «устройство» (405) мира. С точки зрения человека роль смерти не конструкция, а деструкция – «казнь». «Непонимаемая» (405) человеком смерть не может иметь для него смысла. В стихотворении «Череп» «мыслящий наследник разрушенья» «поражен» видом смерти (122). Но живущему недоступны «истины известные гробам» (122); жизнь и смерть нельзя «подчинить одним законам» (123).⁶ Небытие, как и бытие, не может быть познано человеком, не может быть им понято и осмыслено.

Итак, в поэтическом мире Баратынского объект, не имеющий смысла, не имеет аутентичного имени. Имя – символ («Для меня оно символ»), прямое воплощение смысла. Воплощение смысла в имени не нуждается в наличии *medium'a* – языка. Более того, смысл в принципе некоммуницируем, он не находит адекватного выражения в языке:

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падель с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящею границ,
И уголенным разуменьем, –
Знай, внутренней своей навеки ты
Не передашь земному звуку (299)

Ср. известный комментарий С.П.Шевырева: «Если мы ее [тайну мира – И.П.] сами и понимаем, то понимаем только лично, а передать другим не в состоянии» (Шевырев 1837: 322).

Таким образом, понятие «смысл» в концептуальной системе Баратынского имеет скорее экзистенциальную, нежели гносеологически-лингвистическую семантику. Поскольку смысл не выражается с помощью языка, метаопределение «смысла» может быть только апофатическим. Поэтому нам теперь необходимо понять, что означает в концептуальной системе Баратынского «бессмысленность».

3. «Бессмысленность»

Продцитированное ранее стихотворение «На что вы, дни!..» строится характерным для Баратынского образом. Текст задает сопротивопоставление трех сущностей (тело, душа, мир – см. Гинзбург 1974: 86–87; Эткинд 1977: 32–34). Признак «бессмысленность», приписанный всем трем сопротивопоставленным термам, снимает заданные антиномии («душа» – «безумная» / *«insensée»*, «тело» глядит «бессмысленно», «день» – «пустой» / *«vide de sens»*). Отсутствие смысла снимает различия. Бессмысленность есть безразличность. Поэтому Баратынский переводит «бессмысленно глядит» как *«contemple d'un œil indifférent»* (197). Ср.: в автопереводе стихотворения «Рифма» строка «Средь гробового хлада света» (303) звучит как *«au sein de cette glaciale indifférence du monde»* (198). В автопереводе стихотворения «Своенравное прозванье...» бессмысленный, «суесловный» внешний мир определяется как *«monde indifférent»* (195).

В отличие от Шеллинга и Тютчева (см. Pratt 1984: 192), Баратынский понимает индифферентность и как отсутствие объективных метафизических различий, и как отсутствие субъективных эмоциональных различий. Во втором из указанных значений Баратынский употребляет термин *«indifférence»*, в первом значении – термин *«однообразие»*.

В стихотворении «Смерть» (редакция 1829 года) смерть возвращает существующее к индифферентности, «смиряя буйство бытия» (52, 406):

И краски жизни беспокойной
С их невоздержной пестротой
Вдруг заменяются пристойной
Однообразной белизной. (406)

Реализуясь через смерть, индифферентность уничтожает разнообразие жизни. Но «однообразная белизна» – символ индифферентности –

появляется в «Осени», снимая различия между жизнью и смертью (напомним, что смерть у Баратынского – «небытие для человека»):

Со смертью жизнь, богатство с нищетой –
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывающей (300–301)⁷

Высшее примирение противоречий, осмысленная вечность («[...] И бытия мятежным голосам, В великом гимне примиренным [...]» – 299) дана в «Осени» лишь в условном нарративном модусе. Вечность в поэтическом мире Баратынского может оказаться *бессмысленной* («О бессмысленная вечность!», 282 – последняя строка стихотворения «Недоносок»). Следует, впрочем, помнить, что всякая проблема в концептуальной системе Баратынского – «вопрос неразрешимый», и в разных стихотворениях Баратынский дает прямо противоположные ответы на вопрос о «предвечном» (ср. стихотворение «На смерть Гете», где в качестве равновозможных даются альтернативные решения).

Таким образом, возможность осмысления универсума в его тотальности поставлена Баратынским под сомнение. Если мир для человека и обретает смысл, то это смысл личный, индивидуальный. Акт обретения смысла описывается Баратынским либо метафорически («Мгла падет с его [пророка – И.П.] очей», 286; «[Облако – И.П.] Исчезнет, а за ним опять перед тобою Обители духов откроются врата», 291), либо с помощью «фигуры умолчания».

Ср. описание «посвящения в смысл» (301) в стихотворении «Благословен святое возвестивший...»:

Плод яблока со древа упадет:
Закон небес постигнул человек. (301)

Первая строка описывает состояние человека до обретения смысла, вторая – после. Отрезок текста, соответствующий самому акту «посвящения в смысл» – пауза: молчание.

Итак, в концептуальной системе Баратынского

- а) Обретение смысла – акт невербальный;
- б) Смысл не может быть выражен с помощью обыденного человеческого языка.

Наша «апофатическая дефиниция» понятия «смысл» в концептуальной системе Баратынского имеет в качестве логически возможных следующие альтернативные позитивные решения проблемы коммуникации смысла:

- а) Невербальная (и шире – не-знаковая) коммуникация;
- б) Коммуникация, средством которой выступает язык, отличный от человеческого;
- в) Употребление языка в коммуникативной ситуации, отличной от обыденной (поэтическая коммуникация).

Эти возможности действительно реализованы у Баратынского.

4. «Язык природы» и «langage humain»

В стихотворении «Водопад» (редакция 1827 года) Баратынский подчеркивает инакость языка природы по отношению к человеческому языку характерным оксюморонным определением:

И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою [потока – И.П.]. (65)

Природа говорит не разуму, но сердцу. Общение с природой – не слияние индивидуального *ratio* с универсальным Умом, но общение сердец. Отсюда становится возможной метафора «сердце природы». Рациональное познание делает подобное общение с природой невозможным. Ср. в стихотворении «Приметы»:

Но чувство презрев, он [человек – И.П.] доверил уму;
– Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний. (279)

«Прорицания», «знаменья», «вещанья», «приметы» – знаки, которыми природа говорит человеку.⁸ Когда человек находится в особом, наивном, «детском» состоянии сознания («По детски вещаньям природы внимал [...]» – *ibid.*), природа «обретает для него язык» (*ibid.*): человек становится способным понимать эти знаки, интерпретировать их (Баратынский употребляет глагол «*interpréter*» – см. далее). Выраженность в знаках – существеннейшая особенность языка (причем, как языка природы, так и языка людей). Характерно, что юнкция «язык – приметы»

появляется у Баратынского до и вне контекста цитируемого стихотворения. Еще в 1822 году он писал:

Любви приметы
Я не забыл
[...]
О! я знаком
С сим языком
Любови тайной!

«Приметы», таким образом, – это знаки, которые могут быть поняты при условии знания языка. Однако, если «язык любви», любви-«искушения» («Сердечным нежным языком Я искушал ее [...]» – 35), обретается опытностью, то «язык природы», как уже отмечалось, понятен лишь неопытному, «детскому» сознанию. Характеристики этого сознания – вера и любовь (не любовь-«искушение» – и, шире, эротическая любовь – а «полная любовь», 147, по выражению Баратынского⁹). В ситуации общения с природой человек сопричастен природе. Поэтому, если немые развалины Рима представляли «чуждому навестителю», то жизнь природы для человека, понимающего ее язык – «нечуждая жизнь» (279). Ср. в стихотворении «На смерть Гете» характеристику «великого старца»: а) Единство с природой («С природой одною он жизнью дышал» – 140); б) Понимание языка природы (особенно подчеркнутое в автопереводе): «Была ему звездная книга ясна» (140), *«il lisait aux livres des étoiles»*, *«il savait interpréter le babil du ruisseau»*, *«il comprenait l'idiome des feuilles»* (193).

Помимо «языка природы», еще одним «безглагольным» языком, отличным от человеческого, является в концептуальной системе Баратынского язык прошлого, язык истории.

5. «Язык руин»

Проблематика, развернутая Баратынским в стихотворениях «Рим» и «Предрассудок» (см. п. 1 наст. раб.), появляется еще в раннем творчестве поэта. В 1819 году Баратынский делает вольный перевод поэмы Легуве *Les souvenirs*, где обращается к проблеме понимания «языка руин» (в оригинале поэмы это ключевое для концептуальной системы Баратынского понятие отсутствует):

Но неужель для нас язык развалин нем?
Нет, нет, лишь понимать умейте их молчанье. (135)

Как и позже в «Риме», обращение к прошлому, к немым руинам – вопрошение смысла бытия:

Я всюду шествую, минувшим окруженный,
Вопрошаю прах дряхлеющей вселенной¹⁰
[...]
Событий прежних лет свидетель молчаливый,
Со мной беседует их [громад – И.П.] прах
красноречивый.
Здесь отвечают мне оракулы времен (313)

Если в стихотворении «Рим» молчание руин не дает вопрошающему однозначных ответов¹¹ (стихотворение построено как серия вопросов), то в «Воспоминаниях» прошлое ясно говорит о вечной истине мира – бренности всего земного.¹²

В *Les souvenirs* Легуве и в «Воспоминаниях» Баратынского «развалины» становятся знаками языка прошлого благодаря «преданию» («l'histoire»):

Доколе памяти животворящий свет
Еще не озарил туманной бездны лет,
Текли в безвестности века и поколенья.
[...]
Преданья свет блеснул – и камни глас прияли,
Века минувшие из тьмы своей восстали;
Народы поздние урокам внемлют их,
Как гласу мудрому наставников седых.¹³ (313)

(Ср.: «[...] вопрошаю я предания веков, Паденья, славы царств читаю в них причины» – 74).

Словосочетание «язык руин» вновь появляется у Баратынского в стихотворении «Предрассудок» (и, соответственно, в автопереводе этого стихотворения на французский язык; см. п. 1 наст. раб.). В автопереводе метафорический предикат «предания» – «свет истины, идущий из тьмы веков» – переносится в характеристику «предрассудка»:

*Préjugé tu es le dernier rayon d'une vérité qui
va s'évanouissant dans la nuit des siècles.* (198)

С подобной (весьма распространенной во французской литературе конца XVIII – начала XIX вв.) метафорикой мы встречаемся и в *Génie du christianisme* Шатобриана. Ср., например:

un monument n'est vénérable qu'autant qu'une
longue histoire du passé est [...] empreinte
sous ses voûtes toutes noires de siècles. [...]
Dieu est la loi éternelle; son origine et tout
ce qui tient à son culte doit se perdre dans
la nuit des temps.

(Chateaubriand 1861: 292–293; о теме «vénération» см. прим. 17)

Время работы Баратынского над «Воспоминаниями» совпадает со временем работы над переводами из Шатобриана (см. Хетсо 1973: 271–273).¹⁴ Мотив присутствия прошлого в настоящем связывает эти произведения с поздним стихотворением «Предрассудок».¹⁵ Ассоциация «предание» («история») – «предрассудок» позволяет ввести в текст стихотворения и образ «руины храма», связанный с концептом «истории».¹⁶ Следует отметить, что, в отличие от Легуве, Шатобриан скептически относится к идее постижения истории с помощью «расшифровки» «языка руин» (см. Chateaubriand 1861: 75–76, 80; соотв.: Баратынский 1830: 234, Баратынский 1826: 8–9). Проблематика стихо-творения «Предрассудок» отражает контрадикторность претекстов (см. Смирнов 1985).

К теме «язык руин», т.о., «подключается» следующий семантический комплекс: «руины» («ruines») – «храм» («temple») – «память, воспоминания» («souvenirs») – «предание» («histoire»). К этому тематическому блоку и у Шатобриана, и у Баратынского присоединяется еще один элемент – «могила» («tombeau»). Образ «могила отца» (в последней строфе «Предрассудка»), по-видимому, также связан с текстом Шатобриана.¹⁷

Разворачивая два восходящих к Шатобриану образа, «Предрассудок», вместе с тем, представляет собой полемику с текстом «Воспоминаний» (именно поэтому мы можем рассматривать достаточно традиционную преромантическую риторику «отрывков из поэмы» и как реализацию концептуальной системы Баратынского). Ситуация понимания, в структуре которой происходит диалог прошлого и современного в «Воспоминаниях», заменяется в «Предрассудке» ситуацией непонимания. Но ситуация непонимания может быть концептуализирована двояким образом. Первый путь предложен Баратынским в 1-й редакции «Предрассудка». Прошлое ничего не говорит современности. «Руины» становятся немыми, утрачивают язык, заставляя лишь предполагать таящийся за ними смысл. По-другому решается ситуация во 2-й редакции стихотворения и в автопереводе. Прошлое продолжает говорить, но современность не понимает языка прошлого (в автопереводе: язык прошлого забыт современностью). Так или иначе, связь времен оказывается нару-

шенней. Язык прошлого забыт, смысл истории не может быть постигнут.

Итак, в концептуальной системе Баратынского и язык природы, и язык истории, и язык людей существуют в виде знаков. Смысл нуждается в выражении, понимание нуждается в *интерпретации*. При этом сама возможность коммуникации оказывается под угрозой. В поэтическом мире Баратынского человеческий язык не способен выражать экзистенциальные смыслы, а современное человечество (за исключением И.В.Гете) находится вне условий интерпретации «вещаний» природы. Язык прошлого, язык истории, язык «чужой» культуры, если он и существует, – забытый язык (*langue oubliée*), знаки которого не поддаются интерпретации.

Альтернативой всем рассмотренным выше типам коммуникации является *незнаковое общение*.

6. Спиритуальное общение. «Символ»

Вернемся к рассмотрению стихотворения «Своенравное прозванье...» (см. п. 2 наст. раб.). Имя, данное поэтом любимой, не является словом, принадлежащим языку. Оно не имеет языкового значения, но имеет *индивидуальный смысл*. Смысл, воплощенный в имени, постигим в определенном состоянии сознания, которое как и в случае с пониманием языка природы, характеризуется, во-первых, «детской» и «нерефлексивностью» («[...] Безотчетное созданье Детской нежности моей» – 147), во-вторых, верой и любовью (см. далее). В стихотворении «Своенравное прозванье...» Баратынский определяет свою любовь к Н.Л. как «полную любовь», которое в стихотворении «Она» противопоставляется «земной» эротической любви:

Есть что-то в ней над сердцем самовластней
Земной любви и прелести земной. (322)

«Что-то», то есть невыразимый смысл, воплощается в имени, которое не названо в стихотворении «Она» и которому посвящено стихотворение «Своенравное прозванье...»:

Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой
Здешних чувственных примет,

Им [именем – И.П] бессмертье я привечу,
 Им к тебе воскликну я,
 И душе моей навстречу
 Полетит душа твоя. (147–148)

Имя продолжает существовать в мире, где нет образов, нет примет – то есть нет знаков, материальных выражений смысла. В земном мире уничтожение «образов» – это уничтожение смысла, индифферентность, бессмысленность («Все образы годины бывшей Сравняются под снежной пеленой»). Но уничтожение знака не есть уничтожение имени. «Имя воплощает смысл» означает, что «имя есть смысл». Поэтому имя не нуждается в чувственном выражении. *«Dans cet autre monde, – читаем в автопереводе, – les formes des sens nous manqueront»* (195). То есть в ином мире отсутствуют «чувственные формы», смысл воплощающие, но налицо существует сам смысл. Имя как чистый смысл бытия другого – условие спиритуального общения с другим и, через другого, основание собственного бытия. «Им [именем – И.П] к тебе воскликну я, И душе моей навстречу Полетит душа твоя». Это (определению С.Г.Бочарова) «глубоко интимное событие человеческого общения», «контакт [...] двух душ, человеческих существований» (Бочаров 1985: 75) служит у Баратынского оправданием жизни и оправданием творчества:

Мой дар убог и голос мой негромок,
 Но я живу и на земли мое
 Кому-нибудь любезно бытис:
 В стихах моих далекий мой потомок
 Узрит его: как знать! душа моя
 Окажется с душой его в сношеньи (128, 432)

Общение двух душ возможно, поскольку «бытие–другого» явлено духовному оку, видимо им («[...] мой потомок Узрит его [...]»). Имя – не знак, но символ; не логос, но эйдос. Поэтому имя принадлежит не языку, а области чистых смыслов. Имя есть явленный смысл. Утверждение собственного бытия через бытие другого – главная мысль еще одного стихотворения Баратынского, посвященного Н.Л., – «Когда, дитя и страсти и сомненья...»:

С тобой себе и небу веря вновь (344)

(Здесь глагол верить употреблен одновременно в двух значениях – avoir foi и avoir croyance; в автопереводе: «*la croyance en moi-même et la foi au*

ciel – 199). Учитывая очевидную близость стихотворений «Когда, дитя и страсти и сомненья...» и «Своенравное прозванье», можно утверждать, что «философия имени» у Баратынского есть одновременно «философия другого», философия «Я» и «Ты».

Итак, сталкиваясь с многоязычием мира, человек у Баратынского осознает ограниченность *langage humain*. В авторской концептуальной системе возникают оппозиции «слово – знаки иных (по отношению к человеческому) языков» и «слово – имя». Этим, однако, не ограничивается тематическая область, связанная с постановкой и возможными решениями проблемы языка. Баратынский не мог отказаться от обсуждения одной из центральных для его времени тем – отличия возможностей поэтического слова от возможностей слова человеческого языка как языка *обыденности*. Поэтому на данном этапе нашего рассмотрения нам необходимо понять, как Баратынский решает один из главных вопросов романтической эпохи – «поэзия и смысл».

7. «Inspiration»

В конце 1820-х годов Баратынский начинает рассматривать самовыражение не как выражение чувства или мысли, но как реализацию чистого бытийствования; возможность «общения душ» становится целью и условием творчества.¹⁸ Вместе с тем, необходимость и возможность творчества ставится поэтом под вопрос. Раздел лирических стихотворений в сборнике 1835 года (представляющем собой один из рубежей в творчестве Баратынского) задает этот вопрос как неразрешенный.¹⁹ В «Сумерках» вопрос о природе и целях поэзии прямо назван «неразрешимым»:

Меж нас не ведает поэт,
Его полет высок иль нет!
Сам судия и подсудимый
Пусть молвят: песнопевца жар
Смешной недуг иль высший дар?
Решит вопрос неразрешимый! (302–303)

«Высший дар» – «la véritable inspiration, don [...] du ciel» (198). В «Последнем поэте» поэтический дар получает определение «бесполезный» (276; в автопереводе – «*inspiration inutile*», 196). Оказываясь в оппозиции миру «пользы», поэт теряет возможность общения с другими людьми. Существенной чертой понятия «поэзия» в концептуальной системе Баратынского является то, что проблема поэзии обсуждается в контексте

проблемы коммуникации. Семантическим горизонтом понятия «пoэзия» у Баратынского всегда будет являться необходимость диалога «Я – Другие».²⁰ Поэтому вопрос о сущности поэтического «дара» (*«inspiration»*) связан (у позднего Баратынского) с таким важным для его концептуальной системы понятием как «отзыв» (см. Бочаров 1985: 100).

8. «Отзыв»

В стихотворении «На смерть Гете» глагол «отзываться» («répondre») конденсирует характеристики ситуации общения «великого старца» с природой:

На все отзывался он [Гете – И.П.] сердцем своим,
Что просит у сердца ответа (140)
son âme a répondu à tous les appels de l'âme (193)²¹

Понятие «отзыв» вновь употреблено в последней строфе стихотворения:

[Он, Гете – И.П.] в звучных, глубоких отзывах сполна
Все дальнее долу отдавший [...] (141)

«Отзыв» имплицирует концепт диалога в такой степени, что в автопереводе атрибуты «звуковые, глубокие [отклики]» могут быть перенесены на «природу»:

[...] lui [Goethe – I.P.] qui a su répondre à toutes
les voix de la terre et lui rendre ce qu'elle donnait
en mélodies sonores et profondes [...] (193)

Тип текстуальной *трасформации* в приведенном здесь примере может быть сопоставлен с характерным для творчества Баратынского принципами организации *внутритеекстовых структур*. Явление «функционально-смысловой» инверсии (реализованное, в отличие от данного случая, в «стабильных» текстовых структурах) рассмотрено М. Сендерович на материале стихотворений «Мой дар убог...» и «Финляндия» (Сендерович 1990: 183–185). Исследователь также отмечает изоморфизм организации планов содержания и выражения, связывая прием «функционально-смысловой инверсии» с интересующей нас темой «отзыва»: «в метапоэтических стихотворениях» Баратынского «контекст развива-

ется вокруг идеи отклика. ФС инверсия иконически пред-ставляет эту идею» (*ibid.*: 185).²²

Своим пониманием языка природы Гете сближен с *древним* человеком («Приметы»). Современному человеку дан лишь человеческий язык. При общении на таком языке ситуация диалога («отзыва») оказывается возможной, если коммуницируемые значения не соотносятся со сферой глубинного экзистенциального опыта. В противном случае язык оказывается бессильным, и слово, через которое человек стремится выразить глубинный опыт и экзистенциальный смысл, не может рассчитывать на отзыв, оказываясь вынужденно монологическим:

Так [подобно воздействию «урагана» на «лес»
и «океан» – И.П.] иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводят
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел. (399)

Сравнение толпы со стихией в процитированной строфе «Осени» воспроизводится «с обратным знаком» в стихотворении «Рифма».

Он пел, пятымец муз, он пел среди валов
Народа жадного восторгов мусикийских [...]
Толпа вниманием окована была (302)

Перед нами, таким образом, две контрастные, но сопоставимые ситуации: *ситуация квази-понимания* пошлой толпой «пошлого гласа» и *ситуация понимания* народом своего певца. И в том, и в другом случае слово связывает говорящего с *другими*. Но слово в «первобытном рае муз» прямо связано со смыслом и способно передать смысл другим:

И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом:
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом. (302)

Как в случае с пониманием языка природы, *древность/античность* задана в качестве *идеального полюса* возможности коммуникации. Античное слово – идеальное воплощение гармонии («Свободным и широким метром [...] Его [певца – И.П.] гармония текла» – 302).

Подобно тому, как современность забывает язык прошлого, она теряет возможность коммуникации смысла с помощью поэзии;

Но нашей мысли торжеств нет,
Но нашей мысли нет форума!..
Средь нас не ведает поэт [...] (488–489, 302)

Но утрата поэтом контакта с современностью не есть утрата возможностей самой поэзии. Поэтому, с одной стороны, поэзия может предназначаться для коммуникации с будущим («Мой дар убог...»), с другой стороны, становится возможным диалог поэта с самой поэзией²³:

Своюю ласкою поэта
Ты, рифма, радуешь одна. [...]
Одна с божественным порывом
Миришь его своим отзывом [...] (303)

(Автоперевод: «[tu] viens l'encourager par tes échos», 198; в стихотворении совмещаются два значения слова «отзыв». Ср. прим.22). Связывая поэта с прошлым и с будущим («Одна ему, с родного брега, Живую ветвь приносишь ты» – 303), поэзия становится способом преодоления экзистенциального одиночества:

*o rime [...] seul tu viens approuver ses
[du poète – И.П.] veilles solitaires* (198)

Проблема выхода за границы отчужденного «я» была поставлена Баратынским еще в раннем творчестве:

Но что же? вне себя я тщетно жить хотел²⁴ (22)

«Невозможность жить "вне себя" – как нельзя лучше выражает замкнутость отдельных душевных и интеллектуальных миров» (Семенко 1970: 246). Лирика Баратынского открывает возможные пути преодоления этой замкнутости – через «полную любовь» и через поэзию.

Résumé

Всякая метафора становится возможной лишь в системе определенной метафизики. Вводя новую «таксономию» объектов, метафорическое видение поэта и философа «описывает мир заново» (см. Ricoeur 1978: 22–23), обнаруживая сходное в различном и различное в сходном. Метафизический порядок организуется с помощью «metaphorical constitution

of semantic fields» (*ibid.*: 23). Метафорическая «ре-дескрипция» – видимое воплощение авторской онтологии (или мифологии).²⁵

Понятие «язык» входит в различные идеально-тематические сферы поэтического мира Баратынского. Метафорика «языка» связывает воедино такие концептуальные страты, как «природа», «культура», «история», «творчество», «общение», «существование».

Баратынский противопоставляет «человеческий язык» «безглагольным», «немым» языкам: «языку природы» и «языку руин» (последний может быть интерпретирован как язык чужой культуры, язык истории, язык прошлого). Общей чертой всех языков является выраженность в знаках (именно в этом смысле Баратынский употребляет лексему «приметы»). Понимание «языка природы» требует от человека сопричастности природе и особого, «детского» состояния сознания. Выход из этого состояния приводит к тому, что природа становится чуждой человеку и теряет для него смысл. Взгляд Баратынского на проблему понимания «языка руин» претерпел значительную эволюцию: если в конце 1810-х гг. разговор с «немыми развалинами» для Баратынского – диалог двух культур в структуре ситуации понимания, приобщающий человека к постижению закона бытия, то в позднем творчестве поэта «язык руин» оказывается забытым, непонятным языком, а ситуация понимания чужой культуры превращается в ситуацию непонимания собственной культуры. В лирике Баратынского 1830–40-х гг. человек, самосознающее «я», находится в ситуации тотального отчуждения от мира и других (но не другого). «Человеческий язык» не способен адекватно описывать мир и служить средством коммуникации между людьми. «Человеческий язык» в концептуальной системе Баратынского не является путем к постижению онтологических и экзистенциальных смыслов. «Смысл» у Баратынского – всегда личностный, индиви-дуальный смысл. Смысл воплощается не в языке и его конституентах – знаках, но в имени. Имя, не нуждаясь в материальной выраженности, является не знаком, но символом, явленностью смысла, эйдосом сущности.

Таким образом, в концептуальной системе Баратынского одновременно представлены альтернативные решения проблемы «мир и смысл»: «Мир – текст. Он представляет собой осмысленное сообщение» и «Мир – не текст. Он не имеет смысла» (см. Лотман 1970: 10–11). В ситуации «мир – текст» проблема смысла фактически не возникает, так как коммуникация проходит «без помех». В ситуации «мир – не текст» возможность постижения смысла через язык оказывается закрытой и возникает вопрос о незнаковых способах коммуникации. В контексте этой проблематики возникает оппозиция «слово – имя». Однако, перед Баратынским, человеком романтической эпохи, неминуемо должна была встать

проблема соотношения «слова» в обыденном языке и «слова» в поэзии. Осознавая трагическое положение поэта в современном мире, Баратынский, тем не менее, трактует поэтическое слово как несущее в себе возможность диалогического самораскрытия говорящего. Поэтическое слово сохраняет потенции своего идеального, «античного», бытия и является одним из возможных условий общения, тождественного в *Weltanschauung* Баратынского бытийствованию, реализации идеальной человеческой сущности.

Примечания

- 1 Ср.: «[...] *le problème du langage* n'a sans doute jamais été un problème parmi d'autres. [...] une époche historico-métaphysique doit déterminer enfin comme langage la totalité de son horizon problématique» (Derrida 1967: 15; курсив автора – И.П.)
- 2 Далее все русские стихотворения Баратынского цитируются по изданию Баратынский 1982, а французские прозаические автопереводы по изданию Боратынский 1914 с указанием страницы соответствующего издания.
- 3 Возможность использования автопереводов Баратынского при интерпретации его оригинальных стихотворений обсуждается нами в работах: Пильщиков 1992, Pilshchikov 1992.
- 4 Фразеологически последняя строка не является собственностью Баратынского. Ср., например, в *Génie du christianisme*: «[...] il appelle les peuples, les princes, les prélates, les guerriers au catafalque du héros [...]» (Chateaubriand 1861: 347). Но, как мы увидим далее, французские и русские поэтические формулы подвергаются у Баратынского переосмыслению, получают в рамках его поэтического мира новые функции.
- 5 Ср. IV–V строфы «Осени», стихотворение «Приметы».
- 6 Последняя строка стихотворения «Череп» – отрицание разрабатывавшегося многими «старыми и новыми» авторами положения «Философствовать – значит учиться умирать»: «А смерть сама их [живущих – И.П.] умереть научит» (123).
- 7 Тема индифферентности в заключительной строке осени «предвосхищается» в X строфе стихотворения; здесь реализация этой темы как бы маскируется своеобразной «дисперсией» лексемы «однообразие»:

Каким разнообразьем брашен
 Блистаёт он [пир – И.П.]!.. Но вкус один во всех
 И, как могила, людям страшен (298)

- ⁸ С подобным ходом рассуждения мы встречаемся у Руссо, Вольнея, Шатобриана – авторов безусловно значимых для Баратынского. Предпринимаемые многими исследователями попытки найти шеллингианские контексты для этого комплекса идей представляются малоубедительными. По мнению Г.Хетсо, стихотворение «Приметы» «является поэтической иллюстрацией [...] мыслей Руссо» о том, что «en négligeant la langue des Signes qui parlent à l'imagination, l'on a perdu le plus énergique des langues» (Хетсо 1973: 468, текст Руссо цитируется по этому изданию; ср.Pratt 1984: 61–63). Следует отметить, что выражение «[природа] язык для него [человека] обретала» – переосмыщенная цитата из стихотворения Жуковского «Мечты» (перевод *die Ideale* Шиллера).
- ⁹ В отличие от поздних стихотворений, посвященных Н.Л. Баратынской (см. п. 6 наст. раб.), отношение к женщине в ранней лирике поэта трактуется как невозможность любви; «женщина в глазах молодого Баратынского представляет собой какую-то опасность, от которой он должен спасти свой рассудок. Это ему и удается, но ценой рефлексии, убивающей в нем преданность и любовь с ее счастьем» (Хетсо 1973: 317).
- ¹⁰ В оригинале: «[...] il [le savant – И.П.] voyage entouré du passé. O champs de l'Apennin! [...]» (Legouvé 1813: 121). «Прах дряхлеющей вселенной», возможно, – реминисценция из «Водопада» Державина: «Не зрим ли всякой день гробов, Седин дряхлеющей вселенной» (Державин 1933: 165). Важность этого стихотворения для Баратынского очевидна; ср. влияние «Водопада» Державина на «Водопад» Баратынского (1821). См. ниже прим. 22.
- ¹¹ Ср. сказанное о другом стихотворении Баратынского: «Следует помнить о Риме как [...] некоей сверх-функции, прототипической конструкции, форме. В этом смысле "исторический" Рим должен быть отделен от вечного, вневременного Рима. Первый преходящ, он весь в прошлом, о котором можно судить по дошедшим до нас отзываам славы и по его остаткам, по его праху» (Топоров 1990: 76).
- ¹² «Внимайте времени немому поученью! Познайте тления незыблемый закон!» (314). Отметим, что стихотворение «Рим» построено на аналогичном развитии мысли (см. Гаспаров 1989: 46). Ср. развитие темы «беседы с развалинами» в переводах Баратынского из *Génie du christianisme* Шатобриана:
- [...] я восседал на сих развалинах, я беседовал с останками их
 [...] лишь изредка раздавалось падение деревьев, сокруши-

ных секирою времени в глубине леса: так все падает, все уничтожается. (Баратынский 1830: 233)

[...] je me suis assis sur ces ruines [...] j'ai causé avec ces débris [...]. Seulement, à longs intervalles, on entendoit lachute de quelque arbre que la hache du temps abattoit dans la profondeur des forêts: ainsi tout tombe, tout s'anéant.

(Chateaubriand 1861: 75)

- 13 [...] de l'histoire il créa le flambeau.
 Avant qu'on vit briller cette clarté féconde,
 Les temps se succédoient dans une nuit profonde;
 [...]
 L'histoire luit; soudain les temps ont récoulé;
 L'ombre a fui; les tombeaux, les débris ont parlé;
 Les générations s'entendent et s'instruisent
 (Legouvé 1813: 118)

¹⁴ Перевод Баратынского из Легуве не только тематически, но, подчас, и фразеологически близок его переводам глав «Гения христианства». Так, отсутствующая у Легуве строка «Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм» (314) – реминисценция из перевода главы *Astronomie*: «набрасывая гробы на гробы» (Баратынский 1826: 9; у Баратынского речь идет о движении времени, у Шатобриана – об исчислении времени; в оригинале: «en entassant tombeaux sur tombeaux» – Chateaubriand 1861: 80). Ср. фразу из предыдущего предложения «бесполезные исчисления веков и поколений» (Баратынский 1826: 8; *calculs infinis de générations et de siècles* – Chateaubriand: *ibid.*) и процитированное выше «Текли в безвестности века и поколенья».

- ¹⁵ Par elle [la Mémoire – И.П.] le passé redevient le présent (Legouvé 1813: 111)
- [...] la cendre des pères, loin d'abréger les jours des fils prolonge en effet leur existence, en leur enseignant la modération et la vertu [...] (Chateaubriand 1891: 402)

¹⁶ Ср.:

[...] уверяют, что прежде, нежели Египтяне построили храмы, от коих остались для нас столь живописные развалины, народы пастырей пасли уже стада свои на других развалинах, оставшихся после некоего неизвестного народа [...] (Баратынский 1830: 229–230)

[...] l'on pretend qu'avant que les Égyptiens eussent bâti ces temples dont il nous reste de si belle ruines, les peuples pasteurs gardoit déjà leur troupeaux sur d'autresruines laissées par une nation inconnue [...] (Chateaubriand 1861: 74)

17

Enfin, il y a une autre preuve morale d'immortalité de l'âme [...]: c'est la vénération des hommes pour les tombeaux. [...] La bête [...] s'inquiète-t-elle de ces centres? Que lui font les ossements de nos père? [...] nous respectons les cendres de nos ancêtres parce qu'une voix nous dit que tout n'est pas éteint en eux. (Chateaubriand 1861: 129)

Ср. у Баратынского:

Дней его [отца – И.П.] не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай. (277)

Необходимо, кроме того, напомнить о важности таких сегментов автоперевода, как «cendres qui vous ont donné la vie» и «respectez son agonie» (198; см. Пильщиков 1992:112). Замена в 1-й строфе «Предрас- судка» синтагмы «смысл праха храма» на «язык руин храма» (см. п. 1 наст. раб.) исключает из текста терм «прах», который, однако, восстанавливается в автопереводе (автоперевод содержит оба терма – «cendres» и «ruines»). Лексема «прах»/«cendres» связывает текст с темой памяти/истории, лексема «руины»/«ruines» – с темой «язык развалин». Выявление претекста позволяет выяснить структурную связь реализаций обеих тем в тексте стихотворения и, кроме того, объясняет появление в автопереводе лексемы «respecter» (последняя, отражая тесную связь тем «памяти» и «почтания» в книге Шатобриана, является сегментом скрытой цитаты); другой вероятный источник – историческая элегия Батюшкова «На развалинах замка в Швеции»).

¹⁸ В России 1820–1830-х гг. «l'idée de la communion des esprits, de la communion directe et immédiate des âmes était dans l'air» (Коутр 1950: 15). При всем том, развитие этой темы в лирике Баратынского отличается значительным своеобразием (достаточно сравнить в этом аспекте его мысли с идеями его старших и младших современников, например, Жуковского или Киреевского).

¹⁹ Отношение Баратынского к проблеме поэзии было принципиально неоднозначным и, видимо, осознавалось им как таковое. Обращает на себя внимание тот факт, что Баратынский настойчиво сближает два стихотворения, которые содержат альтернативные решения проблемы поэзии – «Бывало, отрок, звонким кликом...» и «В дни безграничных увлечений...» (оба стихотворения написаны в конце лета – начале осени 1831 года). Первая часть сборника 1835 года завершается тремя стихотворениями: «В дни безграничных увлечений...», «Отрывок» («Сцена из поэмы "Вера и Неверие"»), «Бывало, отрок...». «Альтернативные» стихотворения окружают текст, написанный в форме диалога с открытым концом. Структура финала первой части сборника моделирует ситуацию *неразрешенности*, открытого диалога между

верой и неверием, в том числе верой и неверием в поэзию. Стихотворения «Бывало, отрок...» и «В дни безграничных увлечений...» вошли в корпус автопереводов, где параллельность этих двух текстов дополнительно подчеркивается ростом автоинтегрекстуальных перекличек.

²⁰ В лирике Баратынского *«la société [...] est le moment nécessaire d'un devenir collectif, vis-à-vis duquel le poète doit obligatoirement se définir et se situer»* (Bonamour 1973: 76).

²¹ В автопереводе в качестве эквивалента терма «сердце» выступает «âme» (душа). При всей близости понятий «сердце» и «душа» в поэтической системе эпохи, у Баратынского эта синонимия имеет особый смысл: «общение душ» и «общение сердец» репрезентируют ситуацию экзистенциальной осмысленности, понимания, противопоставленную ситуации тотального отчуждения, бессмысленности и невозможности коммуникации. С другой стороны, душа требует присутствия другой души и только в этом случае обретает бытийственность; одинокая душа – всегда *âme impatiente, âme insensée* (стихотворения «Pourquoi le capif aurait-il des rêves de liberté?» и «Pourquoi luissez-vous, jouts opiniâtres?» – 194, 197). Т.о., в корпусе автопереводов субъект стихотворения *Mort de Goethe*, человек, для которого мир имеет смысл, оказывается противопоставленным человеку, не получающему ответа на вопрошение смысла бытия.

²² На с. 198–199 (*ibid.*) М. Сендерович пишет об «иконическом воплощении идеи отзыва» в элегии «Водопад». Однако, слово «отзыв» в первой (и в повторяющей ее последней) строфе стихотворения присутствует еще в редакции 1821 года. В этот период (мы оставляем в стороне вопрос о возможной авторской переинтерпретации текста при включении его в сборник 1827 года) «отзыв» означает в словаре Баратынского «эхо» (оба синонима соответствуют французскому *écho*, а не *réponse*). Ср., например, в переводе из Кс. де Местра:

[...] эхо развалин замка Брамафана внятно повторяло: горе тебе. [...] и слабый отзыв горы, спустя долго после, прошептал: горе тебе!... (Баратынский 1822: 28)

j'entendis l'écho qui [...] répétta distinctement: Malheur à toi! [...] et l'écho faible de la montagne répétta longtemps après: Maleur à toi! (Maistre 1839: 252)

Характеристики водопада заимствованы Баратынским из «Водопада» Державина, где, в числе других природных аксессуаров, имеется и «эхо» («цитатность» описания в редакции 1827 г. еще более явственна, чем в редакции 1821 г.):

*Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.*

*Шуми, шуми, о водопад! [...]
Луч чрез поток сверкает [...]
Седая пена по брегам [...]
Грохочет эхо по горам [...]*

*Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный соглашен.*
(65)

*Рев ветров, скрыт деревьев [...]
Он слышит: сокрушилась ель [...]
Он воет, согласясь с тобой
(Державин 1933: 163–176)*

Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что в лирике Баратынского представления о гармонии в поэзии связаны очень тесно (см., например, стихотворение «Бывало, отрок, звонким кликом...»)

²³ Cp.: «Hence the growing isolation of the poet in the modern world, where he is deprived of the popular response that met his highest inspiration in "the market places of the Greek towns". The only response in the modern world that greets the modern poet is that of his own rhymes» (Mirsky 1968: 103).

²⁴ Выражение «живь вне себя» (т.е. жить в обществе), возможно, является цитатой из «Рассуждения о происхождении неравенства» Руассо: «le sauvage vit en lui-même; l'homme sociable, toujours hors de lui, ne sait vivre que dans l'opinion des autres» (Rousseau 1983: 173)

²⁵ «In service to the poetic function, metaphor is that strategy of discourse by which language divests itself of the function of direct description in order to reach the mythic level where its function of discovery is set free» (Ricoeur 1978: 247).

Литература

Баратынский, Е.А. 1822. "Прокаженный города Аосты: Из сочинений Графа Мейстера младшего", *Библиотека для чтения*, Кн.2

Баратынский, Е.А. 1826. "Астрономия (Из Шатобриана)", *Новости литературы*. Кн. XVI.

Баратынский, Е.А. 1830. "Логография и происшествия Исторические, доказывающие истину Библейской Хронологии (Из Шатобриана)", *Славянин*. – Ч. XIII.– III.

Баратынский, Е.А. 1914. *Полн. собр. соч.– Т.1. – С.Петербург.*

Баратынский, Е.А. 1982. *Стихотворения. Поэмы.*, Москва.

- Державин, Г. Р. 1933. *Стихотворения*, Ленинград.
- Пушкин, А.С. 1948–1949. *Полн. собр. соч.* – Т.3. – [Москва; Ленинград].
- Chateaubriand, F.A.R. 1981. *Œuvres complètes*. – T.2 *Génie du cristianisme*, Paris.
- Legouvé, G. [–M.-J.-B]. 1813. *Mérite des femmes et autres poésies*, Paris.
- Maistre, X. de. 1839. *Œuvres complètes*, Paris.
- Rousseau, J.-J. 1983. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*, Paris.
- Бочаров, С.Г. 1985. *О художественных мирах*, Москва.
- Гаспаров, М.Л. 1989. "Три типа русской романтической элегии", *Контекст–1988*, Москва.
- Гинзбург, Л.Я. 1974. *О лирике*, Ленинград.
- Лотман, Ю.М. 1970. *Статьи по типологии культуры*, Тарту.
- Лотман, Ю.М. 1990. "Поэтический мир Тютчева", *Тютчевский сборник*, Таллинн.
- Пильщиков, И.А. 1992. "Debilitata Venus (Два стихотворения Е.А. Баратынского о старости и красоте)", *В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана*, Тарту.
- Семенко, И. 1970. *Поэты пушкинской поры*, Москва.
- Сендерович, М.1990. "Поэтика инверсии Баратынского. Глава из поэтики инверсии", в кн.: Сендерович М., Сендерович С. *Пенаты: Исследования русской поэзии*.
- Смирнов, И.П. 1977. *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*, Москва.
- Смирнов, И.П. 1985. *Перорждение интертекста*, Wien (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 17).
- Топоров, В.Н. 1990. "Италия в Петербурге", *Италия и славянский мир*, Москва.
- Фризман, Л.Г. 1966. *Творческий путь Баратынского*, Москва.

- Хетсо, Г. 1973. *Евгений Баратынский. Жизнь и творчество*, Oslo, Bergen, Tromsø.
- [Шевырев, С.П.] 1837. "Перечень Наблюдателя", *Московский наблюдатель*, Ч.ХII, Кн.1.
- Эткинд, Е. 1977 *Форма как содержание (Избранные статьи)*, Würzburg, (Colloquium slavicum, Bd.9.)
- Bonamour, J. 1973. "Contributions à l'étude des rapports entre le sujet et le thème de la révolte métaphysique chez Baratynskij", *Revue des études slaves*. T.49.
- Burton, D. 1985. "Стихотворение Баратынского «Благословен святое возвестивший»", *Russian Literature*, Vol.XVII, 2.
- Derrida, J. 1967. *De la grammatologie*, Paris.
- Koyné, A. 1950. *Études sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie*, Paris.
- Mirsky, D.S. 1968, *A History of Russian Literature*, London.
- Pilshchikov, I.A. Sept. 1992. "Baratynsky's Russian-French Self-Translations (On the Problem of Invariant Reconstruction)", *Essays in Poetics: The Journal of the British Neo-Formalist Circle*. (in press)
- Pratt, S. 1984. *Russian Metaphysical Romanticism: The Poetry of Tiutchev and Boratynskii*, Stanford.
- Ricoeur, P. 1978. *The Rule of Metaphor: Multi-disciplinary studies of the creation of meaning in language*, London.
- Todorov, Tz. 1970. "The Discovery of Language: Les Liaisons dangereuses and Adolphe", *Yale French Studies*, 45.